

Головко А.Б. Земли Западной Руси и объединительная политика Киевского государства в X - первой трети XII в. // Киев и западные земли Руси в XI-XIII вв.: [Сб. статей] / Ин-т истории АН БССР, Ин-т истории АН УССР; [Ред. кол.: Л.Д.Поболь и др.] – Мн.: Наука и техника, 1982. – 127 с. – С. 25-45.

ЗЕМЛИ ЗАПАДНОЙ РУСИ И ОБЪЕДИНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА КИЕВСКОГО ГОСУДАРСТВА В Х- ПЕРВОЙ ТРЕТИ XII в.

Деятельность киевского центра по собиранию, а затем удержанию в своем подчинении древнерусских земель являлась важной составной частью внешней, а затем внутренней политики молодого восточнославянского государства. Одним из важнейших направлений этой объединительной политики были взаимоотношения киевской администрации с землями Западной Руси. Здесь проживали большие союзы племен — полочан и дреговичей, которые в более позднее время перерастут в составе Киевской державы в две весьма значительные политические единицы — Полоцкое и Туровское княжества.

Взаимоотношения восточнославянских племен уходят своими корнями в глубокую древность. В период интенсивных славянских миграций IV—VIII вв., во времена походов восточнославянских дружин на Византию осуществлялись многочисленные контакты и столкновения между прогрессирующими протогосударственными формированиями.

В момент объединения Верхней Руси с «Русской землей» (древнейшим ядром Древнерусского государства) в конце IX в. не все восточнославянские племена вошли сразу же в состав Руси. Да и с большинством вошедших в состав раннефеодального государства племен связь

Киева во времена Олега и Игоря (конец IX — первая половина X в.) была неустойчивой, в пользу чего свидетельствуют данные древнерусских и византийских источников¹. Особенно это касается племен Юго-Западной и Западной Руси, с которыми Киев из-за продолжавшейся более полувека борьбы с сильным древлянским княжеством мог поддерживать лишь союзнические отношения. Известно, что в IX в., во времена значительного проникновения варягов в Восточную Европу, племена полочан вступают в оживленные отношения со скандинавскими пришельцами, а также с северо-восточными соседями — ильменскими словенами². Позже, в русско-византийском договоре 907 г., среди подчиненных киевскому князю Олегу городов упоминается и Полоцк, главный город полочан. Это известие дало основание некоторым исследователям предположить, что в конце IX в. Полоцкая земля уже входила в состав Руси³. Однако реальная обстановка конца IX — начала X в. позволяет, на наш взгляд, говорить не об административной зависимости полочан от Киева, а лишь о военном подчинении полоцких отрядов во время похода на Константинополь Олегу, который представлял на переговорах с Византией и интересы Полоцка. Само же Полоцкое княжество во время войны, Руси с византийцами могло быть лишь одним из союзников киевского князя⁴.

Значительный шаг вперед на пути консолидации древнерусских земель был сделан княгиней Ольгой (945—962). После подавления выступления древлян киевское правительство проводит по всей территории Руси административную реформу, упрочившую позиции великокняжеской власти на местах. Были установлены фиксированные нормы дани, которая превратилась в систематические поборы, созданы многочисленные пункты ее сбора, ставшие форпостами великокняжеской власти на периферии⁵. Эта реформа совпала с усилением давления киевского центра на не вошедшие к тому времени в состав Древнерусского государства восточнославянские племена.

Вопрос о времени вхождения Туровской земли дреговичей в состав Киевского государства однозначно не решен. П. Ф. Лысенко полагает, что Туров был включен в состав Руси при князе Владимире⁶. Однако начальную грань этого события, на наш взгляд, есть все основания отнести к правлению Ольги. В пользу такого предположения свидетельствует анализ записки арабского путешественника Ибрагима ибн-Якуба (середина 60-х годов X в.), который, описывая страны Центральной Европы, сообщает: «...С Мешко (князь Польши в 960—992 гг.— А. Г.) соседствует на востоке Русь, а на западе Бурис (Пруссы.—А. Г.)...»⁷. Учитывая факт вхождения Краковской земли до 90-х годов X в. в состав Пражского княжества, В. Д. Королюк и В. Т. Пашуто пришли к выводу, что Туровская земля к началу 60-х годов X в. была присоединена к Древнерусскому государству и как часть территории Руси граничила непосредственно с соседним районом Польши — Мазовией⁸.

Время княжения Святослава (962—972 гг.) и его преемника Ярополка (972—978 гг.) не ознаменовались яркими событиями в объединительном процессе восточного славянства. Более того, в начале 70-х годов X в. Древняя Русь была разделена на три части между наследниками Святослава: Ярополком, получившим Киев, Олегом, правившим в Древлянском княжестве, и Владимиром, державшим Новгородскую землю. Трудно сказать, кому из князей в это время принадлежала Ту-

ровская земля. Возможно, что ареал дреговичей, подобно землям радимичей и вятичей, даже временно вышел из-под контроля династии Рюриковичей.

Во второй половине 70-х годов X в. между Святославичами вспыхивают острые междоусобицы, в которые оказалось втянутым и Полоцкое княжество, где правил Рогволод. «Повесть временных лет» подробно рассказывает об отношениях полоцкого князя и его дочери Рогнеды с новгородским князем Владимиром. Опустив некоторые легендарные моменты летописного рассказа, мы можем свести историю этих взаимоотношений к следующему.

Князь Владимир, узнав о трагической гибели брата — древлянского правителя Олега во время столкновения с Ярополком, заручился поддержкой варягов и, опираясь на крупные силы словен, чуди, кривичей, собирается в поход на Киев. В ходе подготовки к выступлению новгородский князь решил заключить союз с соседним полоцким князем Рогволодом, который должен быть скреплен браком Владимира с Рогнедой. Однако полоцкий княжеский дом решительно отказался подчиниться Владимиру, что вызвало в свою очередь нападение на Полоцкое княжество. Полочане были разбиты, новгородский князь убил их князя и насильно взял в жены Рогнеду⁹. В литературе отказ Рогволода и Рогнеды заключить союз с Новгородом объясняется желанием Полоцка поддерживать дружественные контакты с более сильным киевским князем¹⁰. Очевидно, столкновение Владимира с Рогволодом было вызвано также крупными противоречиями Полоцка и Новгорода из-за смежных территорий, торговых путей. Эти противоречия, кстати, и в дальнейшем будут характерными для отношений между соседними северорусскими землями¹¹. К тому же Рогволод, по всей видимости, предпочитал иметь номинальную зависимость от отдаленного многочисленными лесами и болотами Киева, чем находиться в подчинении близкого и враждебного Новгорода.

После подчинения Полоцкого княжества Владимир направляется на юг, захватывает Киев и становится верховным правителем Руси. Правление князя Владимира, по словам К. Маркса, совпадает с наивысшим подъемом в развитии Древнерусского государства¹². Оно ознаменовалось и рядом важных мероприятий по укреплению внутреннего единства восточнославянского мира.

В 981 г. Владимир совершает поход в самые отдаленные восточнославянские районы между Бугом и Саном («Червенские грады»), которые, по всей видимости, находились под контролем Пражского княжества, в подчинении его¹³. Одновременно в состав Киевской державы была включена в будущем важнейшая крепость на западном рубеже Руси — Берестье¹⁴. Сразу после этого киевский князь, вероятно, укрепляет власть Руси и в землях дреговичей, без чего вряд ли бы в 983 г. был осуществлен успешный поход против живущих к северо-западу от этой славянской земли литовских племен ятвягов¹⁵.

В 80-х годах X в. на Руси проводится ряд преобразований, направленных на преодоление племенного сепаратизма и усиление единства восточнославянского государства. «Владимир,— пишет академик Б. Д. Греков,— не только расширяет пределы государства, но и укрепляет связь отдельных его частей. Достигает он этой цели различными средствами: сначала путем приспособления язычества к своей объедини-

тельной политике, потом путем принятия христианства в качестве единой государственной религии и путем изменения управления частями государства»¹⁶.

Прежде всего киевский князь начал преобразования в области религии. Существующая у восточных славян в рассматриваемое время языческая вера хотя и подверглась определенным изменениям по сравнению со славянскими верованиями родового строя, однако в конце

Сребреник князя Владимира Святославича

X в. уже являлась серьезным тормозящим фактором в развитии раннефеодального государства. Язычество не только не способствовало объединительным тенденциям восточного славянства, но, наоборот, своими местными культурами, наличием племенного жречества серьезно задерживало процесс консолидации Руси¹⁷. Вероятно, помня об антихристианских выступлениях в конце правления Ольги, в которых участвовала даже значительная часть феодализирующейся знати, киевский князь не пошел вначале на коренную ломку привычной веры, а решил модернизировать ее с учетом ставившихся перед ней задач. Из многочисленных культов Владимиром создается единый общеславянский пантеон из шести главных богов: Перуна, Хорса, Дажьбога, Стрибога, Семаргла, Мокоши¹⁸. Реформированный религиозный культ на протяжении ряда лет усиленно насаждался на местах, однако оказался мертворожденным плодом и, несмотря на старания киевского правительства, не прижился. Отсутствие развитой религиозной догматики, подготовленных жреческих кадров новой веры не давало ей возможности ликвидировать устоявшиеся местные верования. Церковная реформа к тому же в недостаточной мере отражала и потребности прогрессирующих феодальных отношений на Руси¹⁹.

Все эти обстоятельства заставили великого князя киевского в конце 80-х годов X в. после некоторых колебаний пойти на принятие христианства²⁰. Введение православия на Руси не только укрепило позиции феодализирующейся восточнославянской верхушки, но и нанесло

серьезный удар по местному сепаратизму. Распространение христианства, оформление мощной церковной машины создало, по словам Ф. Энгельса, «теологическое единство» феодального общества²¹.

Одновременно с религиозными реформами князь Владимир осуществляет крупные административные преобразования. Он ликвидирует местные племенные династии и вводит институт посадников во всех восточнославянских землях. В качестве «держателей» областей Руси выступают сыновья великого князя, которые согласно старшинству получают соответственные по значению волости. Так, старший сын Владимира Вышеслав получил Новгород, Изяслав, сын Рогнеды, — Полоцк, Святополк — Туров, Ярослав — Ростов, Святослав — Древлянскую землю, Мстислав — Тмутаракань и т. д. После смерти двух старших сыновей Владимира произошел определенный передел держаний. Вместо Вышеслава Новгород был отдан Ярославу, а Изяслава заменил на полоцком столе его сын Брячислав²².

Обсуждая вопрос о распределении волостей среди сыновей Владимира, у исследователей возник спор о степени значения Туровской области в составе Руси. О. М. Рапов в рецензии на книгу П. Ф. Лысенко «Города Туровской земли» полагает, что автор исследования преувеличивает роль Туровского княжества. На наш взгляд, нельзя и принижать значение Турова, который занимал весьма выгодное положение вблизи Киева и находился на пересечении важных торговых путей²³.

Летописный материал позволяет выяснить статус Полоцка в составе Древнерусского государства. Владимир посадил здесь своего сына Изяслава, который был одновременно представителем местной династии, так как был внуком Рогволода по женской линии. Этот шаг великого князя означал определенный компромисс с полоцкой племенной знатью, которая сопротивлялась центростремительным тенденциям Киева. После смерти Изяслава в Полоцк не был послан на освободившуюся «вакансию» из менее значительной волости какой-либо из младших сыновей Владимира, а на местный трон был возведен сын Изяслава Брячислав. Таким образом, следует признать восстановление в конце X — начале XI в. местной княжеской династии, которая находилась под контролем Киева.

Значительная активность Киева в 90-х годах X в. в пограничных с соседним Польским государством районах вызвало некоторые противоречия между двумя государствами, которые были преодолены после подписания договора о мире и любви (первая половина 90-х годов X в.)²⁴. Этим же договором фактически было санкционировано на дипломатической арене включение в состав Руси западных районов восточного славянства.

В условиях многолетней упорной борьбы с печенегами в конце X — начале XI в. объединительные тенденции Киевского государства ослабли. Одновременно на окраинах страны, имевшей довольно непрочные экономические связи между районами, происходит усиление сепаратистских тенденций, выразителями которых стали сыновья Владимира²⁵. Одним из первых выступил против власти великого князя Святополк, который правил в Туровской земле. В 1008 г. туровский князь, после того как прибывший из Польши миссионер Бруно Кверфуртский осуществил посредничество при заключении русско-печенежского мира, некоторое время был заложником у кочевников. Это обстоятельство в

дальнейшем используется Святополком для установления тесных связей как с печенежскими ханами, так и с могущественным польским князем Болеславом Храбрым (992—1025)²⁶. Последний проводит в начале XI в. активную внешнеполитическую деятельность, в том числе строит широкие экспансионистские планы в отношении Восточной Европы.

В августе—сентябре 1013 г. Болеслав в союзе с печенегами совершает поход на Русь. Немецкий хронист Титмар Мерзебургский пишет: «После этих событий (подписания мира Польши с Германией.— А. Г.) отправился Болеслав на Русь, причем наше войско (саксонцев.— А. Г.) поддерживало его в этом походе. Там опустошил большую область страны, а когда начались распри между его воинами и печенегами, приказал перебить последних полностью, хотя они были его союзниками»²⁷. Основной целью похода было стремление захватить у Руси район «Червенских градов» и Берестейскую область, через которые проходил важный торговый путь из Польши на Русь и куда для соединения с союзниками могли прибыть кочевники. Судя по последующим событиям, на которых мы ниже остановимся, полякам в это время удалось занять Берестье.

Польско-печенежская акция, конечно, не могла удовлетворить честолюбивых замыслов Болеслава. И хотя начавшаяся война с Германией не позволила продолжать военные акции на русско-польской границе, польский князь продолжает и в дальнейшем вмешиваться во внутренние дела Руси, умело использует сепаратистские устремления Святополка. В конце 1013 — первой половине 1014 г. был заключен брачный союз сына Владимира и дочери Болеслава²⁸. Вместе с польской княжной на Русь в качестве духовника польский правитель посылает одного из наиболее близких своих помощников — бывшего епископа колобжегского Рейнберна. Из данных хроники Титмара известно, что епископ был сообщником Святополка в борьбе против киевского князя. В середине 1014 г. Владимир приказал схватить духовника «вместе со своим сыном (Святополком.— А. Г.) и его женой, когда узнал, что его сын по наущению Болеслава тайно против него готовил заговор»²⁹. Речь, очевидно, шла не о попытке захвата власти в Киеве, а о стремлении туровского князя, опираясь на помощь Польши, отделиться от Руси³⁰. Ликвидировав заговор Святополка, Владимир лишил его туровского владения, которое, вероятно, перешло под прямое управление киевского правительства. В пользу этого говорит то, что вплоть до середины XI в. Туровская земля постоянно подчинялась великому князю Руси.

Смерть в 1015 г. князя Владимира, вспыхнувшая война между его наследниками, привели к серьезному ослаблению единства Древней Руси. В конфликте Владимировичей не последнее место занимают и земли Западной Руси. Внутриполитическая борьба наследников получила различную трактовку в источниках. До недавнего времени в историографии главный упор при анализе событий 1015—1019 гг. на Руси делался на материал летописи, причем не учитывался в полной мере тот факт, что положенный в основу летописных известий рассматриваемого периода рассказ об убиении Бориса и Глеба глубоко тенденциозный и не отражает исторической реальности второго десятилетия XI в.³¹

После смерти Владимира, как сообщает Титмар, на Руси правят два его сына, третий же — Святополк, освободившись из темницы, бежит в Польшу, где надеется получить поддержку³². Вопрос о двух главных правителях на Руси выяснить, на наш взгляд, несложно. В Киеве в конце правления Владимира на первый план выдвигается вызванный сюда из Ростова Борис. Последний пользовался большим расположением отца и его дружины, выполнял за больного Владимира различные функции, и к нему после смерти великого князя, очевидно, перешла власть в Киеве. Противником Бориса был Ярослав, который правил в Новгороде и еще в 1014 г. отказался подчиниться великокняжескому трону, а позже поведет активную вооруженную борьбу на Руси³³. Новгородского князя хорошо знали саксонские воины, союзники Болеслава Храброго, которые были непосредственными информантами Титмара о событиях на Руси. Наши представления о главных участниках княжеского конфликта существенно дополняют важные свидетельства саги об Эймунде. Прибывшие в Новгород в 1016 г. на помощь Ярославу норманны узнали здесь о борьбе «Бурислава» (Бориса), князя «Кенугарда», который держал большую часть страны «Гардарики» (Руси), с «Ярицлейвом» (Ярославом), князем «Хольмгарда» (Новгорода). Среди князей Руси скандинавская сага особо выделяет независимого правителя области «Пальтескую» (Полоцка) «Вартилава» (Брячислава), владение которого находилось на севере Руси в относительной близости от Новгорода³⁴. Полоцкий князь, согласно сведениям саги, на первом этапе борьбы Владимировичей предпочитал сохранять нейтралитет, и приблизительно до середины 1017 г. борьба велась в основном между Борисом и Ярославом. Победа последнего в этой борьбе и занятие им Киева заставляют нового киевского князя начать войну и с другими противниками, среди которых на первый план выдвигается Святополк и его союзник Болеслав Храбрый. Не имея возможности из-за войны с Германией напасть на Ярослава, польский князь организывает в середине 1017 г. многочисленные набеги печенегов на Киев. «...Очень сильный город Киев,— пишет Титмар,— стал по наущению Болеслава жертвой постоянных враждебных набегов со стороны печенегов и понес большие потери вследствие пожаров»³⁵. О набегах кочевников на Русь сообщают русские летописи и сага об Эймунде³⁶.

Для ликвидации опасности, исходящей от Болеслава и его союзника Святополка, Ярослав заключил союз с Германией против Польши. Осенью 1017 г., по словам Титмара, «правитель русов напал на Болеслава, как ему (германскому императору Генриху II.— А. Г.) было обещано через посла, однако ничего не сделал во время осады города»³⁷. Из Новгородской летописи мы знаем объект похода Ярослава: «В лето 6523 (1017.—Л. Г.) Ярослав иде к Берестью»³⁸. Из этого известия становится ясным, что эта древнерусская крепость была занята поляками до 1017 г., возможно, во время первого похода Болеслава на Русь в 1013 г.

Вся первая половина 1018 г. прошла для польского князя под знаком подготовки к походу на Русь. Он заключил мир с Германией, договорился о поддержке его армии отрядами немецких и венгерских рыцарей, скоординировал свои военные планы с печенегами³⁹. Начавшаяся в 1018 г. война с Болеславом Храбрым не была неожиданностью

для Ярослава, который заранее придвинул свою дружину к р. Буг и возле г. Вольнь встретил неприятеля. Но фортуна не улыбнулась русскому князю. Он потерпел поражение и, не заходя в Киев, бежал в Новгород. Однако и в своей «вотчине» Ярослав чувствовал себя неспокойно, и только вмешательство новгородских мужей заставило князя отказаться от бегства в Скандинавию⁴⁰.

Катастрофическое положение новгородского князя после битвы на Буге объясняется не только последствиями поражения от сильной армии Болеслава и Святополка, нерасположенностью в данное время киевлян к Ярославу, но и наличием у последнего серьезного противника на севере Руси. В пользу такого предположения говорят следующие факты. Титмар сообщает, что накануне столкновения на Буге Ярослав захватил у своего брата какой-то город⁴¹. Ясно, что этим городом не мог быть хорошо знакомый саксонскому хронисту Киев и, разумеется, что этим братом не мог быть ни известный немецкому автору Святополк, ни убитый до 1018 г. Борис. Вопрос о противнике Ярослава помогает решить сага об Эймунде, которая к этому времени относит переход крупной варяжской дружины от Ярослава к Брячиславу и нападение полоцкого князя на Новгородскую землю. Не обращая внимания на некоторые легендарные подробности саги, можно признать, что наличие конфликта между северными русскими княжествами и уход большой варяжской дружины в Полоцк осложнили положение Ярослава⁴². В пользу мнения о напряженных отношениях Новгорода и Полоцка в 1018 г. косвенно свидетельствуют летописные статьи под 1021 г., посвященные завершающей стадии конфликта Ярослава с Брячиславом.

К началу осени 1018 г. Ярослав сумел оправиться от удара на Буге и, заключив, видимо, перемирие с Полоцким княжеством, добивается успеха на юге Руси. К этому времени Болеслав Храбрый был вынужден покинуть Киев и вернуться на родину. На обратном пути польские войска подчинили себе район «Червенских градов», в составе Польши оставалось Берестье, однако план польского правителя посадить на киевский трон зависимого от него князя полностью провалился⁴³.

Приход к власти в Киеве Ярослава совпал с началом нового этапа активизации центростремительных тенденций Древнерусского государства. Однако при осуществлении объединительной политики новому великому князю в начале своего правления пришлось проявить большую осторожность.

В 1021 г., воспользовавшись уходом Ярослава в Киев, на Новгород совершает новое нападение Брячислав. Это нападение заставило Ярослава предпринять тяжелый поход на север Руси, в ходе которого дружина полоцкого князя была разгромлена, а сам ее руководитель вынужден бежать в Полоцк⁴⁴. Однако результаты военного предприятия киевского князя оказались не очень печальными для Брячислава. Воскресенская летопись сообщает, что вскоре после поражения полоцкий князь встретился с Ярославом и подписал с ним мир, получив за него два города. «И оттоле (из Полоцка.—А. Г.),— сообщается в летописи,— призва к себе (Ярослав.—А. Г.) Брячислава, и дав ему два города Восвяч и Видбеск, и рече ему: «буди же со мною за один». И воеваша Брячислав с великим князем Ярославом вся дни живота своего»⁴⁵. Определенная неясность последней фразы летописного известия вызва-

ла появление у некоторых историков точки зрения о дальнейшей вражде и постоянных конфликтах Брячислава с Ярославом⁴⁶. Однако для такой трактовки текста Воскресенской летописи нет оснований, так как источники в дальнейшем ничего не сообщают о столкновениях великого князя Руси с Полоцком. Скорее всего летописная фраза «воеваша Брячислав с великим князем Ярославом» означала союзнические отношения русских правителей. В пользу этого убедительно говорит материал Тверской летописи, в которой вышеизложенные сведения о мире Бря-

Браслет конца XII — начала XIII в. из клада, найденного в городе Ярослава (Киев)

числава и Ярослава дополняются репликой, что первый был киевскому князю «братанич»⁴⁷.

Отказ Ярослава от широкого вмешательства в полоцкие дела объясняется значительной силой княжества Брячислава, отказом полочан от враждебных планов по отношению к Новгороду, а также начавшейся вскоре борьбой киевского князя против тмутараканского правителя Мстислава, которая для Ярослава была весьма неудачной и закончилась потерей последним территории Юго-Восточной Руси.

Укрепление великокняжеской власти, прекращение войны с Мстиславом создают во второй половине 20-х годов XI в. условия для активной внешнеполитической деятельности Руси. Еще в 1022 г. Ярослав сделал попытку вернуть Берестье, однако этот поход закончился неудачно. В 1030 г. киевскому князю удалось отвоевать у поляков важный стратегический пункт — Белз. На следующий год, заручившись поддержкой Мстислава и заключив союз с германским императором Конрадом II, Ярослав совершает поход на запад, в результате которого к Древнерусскому государству были присоединены территории Побужья и Берестье⁴⁸.

С конца 30-х годов XI в. острие внешней политики Киева было направлено в сторону Прибалтики. В 1038 и 1040 гг. русские дружины осуществляют походы против литовских племен, а в 1041 и 1047 гг. в союзе с польским князем Казимиром — против мазовецкого правителя Моислава⁴⁹. Внешнеполитические акции Киевского государства осуществлялись через земли Туровского княжества, которое в это время находилось под непосредственным контролем великокняжеского двора. В литературе высказывалось мнение о том, что союзником Ярослава Мудрого в походах против литовцев было Полоцкое княжество⁵⁰. На наш взгляд, можно предположить участие Брячислава в военных действиях против Мазовии. Действительно, как мы выше писали, Воскресенская и Тверская летописи отмечают ратное сотрудничество Яросла-

ва и Брячислава. Политика Киева в Прибалтике совпадала с интересами в этом районе Полоцка, который стремился расширить здесь свое влияние. О крупной роли дружин из северных земель Руси (Новгородской и Полоцкой) в войне с Мазовией говорит обилие летописных свидетельств о ней в севернорусском летописании. В походах в Мазовию и в контактах с двором польского князя Казимира участвовал второй по старшинству сын Ярослава Мудрого Изяслав, который, кажется, в 40-х годах XI в. проживал в Новгороде и в 1043—1047 гг. женился на польской княжне Олисане-Гертруде⁵¹.

В 1044 г. в Полоцке умер Брячислав, однако никаких шагов с целью вмешательства в дела княжества Ярослав Мудрый не предпринимает⁵². Очевидно, Полоцкая земля в рассматриваемый период сохраняет полный суверенитет по отношению к Киеву. В то же время княжество Брячислава было связано достаточно прочными политическими, экономическими, культурными, этническими связями и было составной частью единой восточнославянской конфедерации⁵³.

К середине XI в. Древняя Русь представляет собой довольно монолитное образование, хотя с прогрессом феодализации во внутренней структуре раннефеодального государства уже намечаются определенные тенденции к децентрализации. Так, уже в конце своего правления Ярослав Мудрый вынужден был наделить «землями» сыновей, которые в отличие от «посадников» Владимира I пользовались значительной автономией. Вновь, как и в конце X в., повторилась ситуация с получением туровского стола, который занял старший из живых сыновей великого киевского князя — Изяслав Ярославич⁵⁴.

После смерти великого киевского князя в 1054 г. на Руси складывается новая система княжеского управления. Основная масса земель Древней Руси была роздана в княжение Ярославичам, которые должны были подчиняться сюзеренитету нового киевского князя Изяслава, сохранившего одновременно власть над Туровской землей. Вероятно, понимая возможность конфликта между старшими Ярославичами из-за Киева, Ярослав наделил довольно значительными правами следующих по возрасту сыновей — Святослава и Всеволода, которым выделил в составе «Русской земли» — политического ядра Киевского государства — два княжества — Черниговское и Переяславское. Таким образом, на Руси наряду с сохранением великокняжеской власти серьезное место начинает занимать так называемый «княжеский триумвират»⁵⁵. «Триумвират» Ярославичей просуществовал почти два десятилетия.

Во второй половине 50-х годов XI в. над Восточной Европой нависла угроза нашествия орд кочевников, проникавших в причерноморские степи из-за Дона и Волги. Эта серьезная опасность заставляет участников «триумвирата» не только собрать находившиеся в их наличии военные силы, но и привлечь на свою сторону правителя Полоцкого княжества Всеслава. Последний совместно с Ярославичами создал мощную коалицию, которая нанесла в 1061 г. сокрушительное поражение торкам⁵⁶. Участие полоцкого князя в боях на южнорусском пограничье говорит о тесных связях Полоцка с остальными древнерусскими землями, свидетельствует, что Всеславу не были чужды проблемы Киевского государства. Участвуя в борьбе против кочевников, Всеслав стремился снискать себе политический авторитет на Руси. Коалиция «триумвиров» и Всеслава оказалась недолговечной. Вскоре между

князьями обострились противоречия, прежде всего полоцкого князя с великим киевским князем. Яблоком раздора, как это было и в прошлом, вновь оказались новгородские земли, находившиеся под контролем Изяслава. В 1063—1065 гг. полоцкие дружины совершили ряд успешных нападений на Псков и Новгород. В ответ на это Ярославичи начинают войну против Всеслава. В марте 1067 г. на р. Немиге произошло решающее сражение, закончившееся победой «триумвиров». Однако Всеслав, обладавший значительными военными силами, не смирился и готовился продолжать войну. Вероятно, понимая сложность борьбы против полоцкого князя, Ярославичи предложили ему начать переговоры, во время которых захватили хитростью Всеслава и его сторонников и заточили в Киеве в «поруб»⁵⁷. Как покажут дальнейшие события, даже в заточении полоцкий князь оставался крупной политической фигурой, вокруг которой собирались оппозиционные «триумвирам», в особенности киевскому князю, силы, в том числе и в самой столице Руси.

В ходе восстания 1068 г. Всеслав, освобожденный из темницы, стал князем в Киеве. В его руках оставалось и Полоцкое княжество. Но борьба за киевский великокняжеский престол не завершилась. Новый киевский князь не имел прочного положения в столице, где широкие народные массы участников антифеодального движения вряд ли могли быть удовлетворены деятельностью полоцкой «группировки», участвовавшей в восстании. Враждебно к Всеславу относился Изяслав Ярославич, который вовсе не отказался от своей «вотчины», и добивался в Кракове помощи от Болеслава II. Выжидательную, но отнюдь не доброжелательную Всеславу позицию занимали Святослав и Всеволод, имевшие значительную военную и политическую силу на Руси и видевшие в грядущем конфликте между старшим братом и Всеславом большой шанс для укрепления своего положения в стране.

В апреле 1069 г. Изяслав и Болеслав II с польской армией вступили в пределы Руси («Поиде Изяслав с Болеславом на Всеслава») ⁵⁸. Полоцкий князь со своей дружиной и, по всей видимости, с киевским ополчением двинулся навстречу противнику. Однако до военного столкновения дело не дошло. Не имея достаточных военных сил и прочного тыла, видя бесперспективность дальнейшей борьбы за сохранение Киева, Всеслав решил не испытывать судьбу и, тайно покинув армию, бежал в Полоцк. Спустя некоторое время Изяслав, заключив соглашение с братьями, мирно вернул себе Киев, а польская дружина во главе с Болеславом II отправилась домой⁵⁹.

Вернув великокняжеский трон, Изяслав жестоко расправился со сторонниками полоцкого князя в самом Киеве. Среди жертв репрессий, кроме многочисленных представителей простого люда, были дружинники, а также какая-то часть киевского духовенства, видный представитель которого Антоний Печерский покинул Киев и бежал в Чернигов⁶⁰.

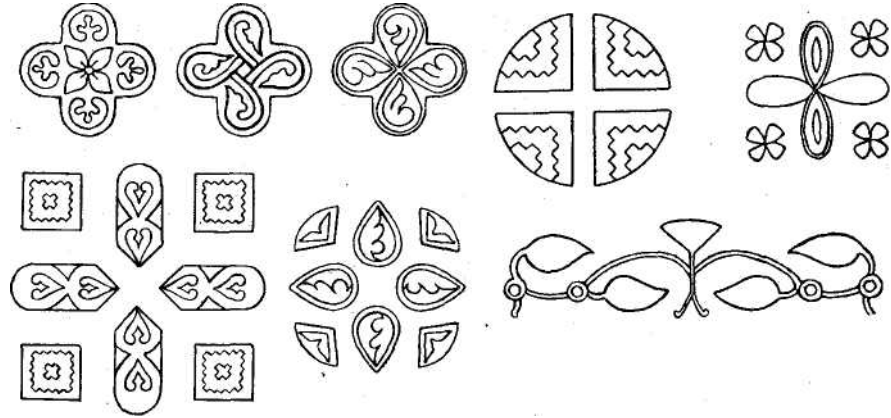
Дальнейшие события изложены в «Повести временных лет» следующим образом. Изяслав решил нанести окончательный удар по своему противнику и подчинить Полоцк непосредственно контролю Киева. Киевский князь, по словам летописного сообщения под 1069 г., «прогна Всеслава ис Полотьска и посади сына своего Мьстислава в Полотьске». После смерти последнего, наступившей вследствие неизвестных причин, город, по всей видимости, на некоторый срок вновь вернул

Всеслав, однако вскоре здесь начинает править другой Изяславич — Святополк («и посади (Изяслав.— А. Г.) в него место (Мстислава.— А. Г.) брата его Святополка а Всеславу же бежавшю»). Бывший полоцкий правитель не смирился с утерей княжества, в 1071 г. Всеслав вновь предпринимает попытку вернуть Полоцк, изгнал из города Святополка, однако через некоторое время потерпел поражение от его брата Ярополка⁶¹. Очередная неудача не обескуражила князя-изгоя, он был готов продолжить борьбу за возвращение своего владения, тем более что вскоре после возвращения Изяслава в Киев отношения между Ярославичами стали ухудшаться.

Правда, в 1072 г. по инициативе участников «триумвирата» была проведена канонизация первых русских «святых» Бориса и Глеба, культ которых должен был «освятить» власть Ярославичей и «защитить» великокняжеский трон от посягательств других князей⁶². Однако уже к концу 1072 г. отношения между Изяславом и его младшими братьями Святославом и Всеволодом доходят до такой остроты, что заставляют киевского князя искать сильных союзников против черниговского и переяславского князя. По предположению некоторых историков, в связи с этим Изяслав предпринимает шаги по примирению с Всеславом, который уже вернул себе к этому времени Полоцк⁶³. Известие о готовящемся союзе Изяслава с недавним противником вызвало негативную реакцию у Святослава и Всеволода, которые весной 1073 г. начали войну с киевским князем и лишили его великокняжеского трона. С приходом к власти Святослава в Киеве Изяслав и его главный соратник — сын Ярополк были вынуждены бежать за границу⁶⁴.

В правление Святослава Ярославича (1073—1076 гг.) Туровская земля, по-видимому, продолжала оставаться в ведении киевской администрации. Согласно данным «Поучения» Владимира Мономаха, этот князь дважды приходил в конце правления Святослава в Туров, как это предполагает А. С. Орлов, для того чтобы сесть в этой «земле», однако не добился здесь каких-либо ощутимых результатов. В Полоцком княжестве в середине 70-х годов правил Всеслав, который быстро оправился от прошлых неудач и вновь начинает борьбу в Северо-Западной Руси. Согласно «Поучению» Мономаха, в конце 1076 г. Всеслав совершил нападение на новгородские земли, где правил сын Святослава Глеб. Весной 1077 г. по повелению Всеволода Владимир Мономах совершает поход на север, чтобы поддержать новгородского князя. Этот поход не привел к значительным результатам, что заставило Всеволода, возможно, с согласия вернувшегося в Киев после смерти Святослава князя Изяслава присоединиться к Мономаху и вместе с сыном совершить летом 1077 г. нападение на полоцкие земли. Однако столицу княжества нападавшим захватить не удалось. В ответ на это Всеслав, собрав значительные силы, совершает поход на Смоленск и сжигает его. К пострадавшему городу направляется Мономах с черниговской дружиной, но полочан уже не застают. Зимой 1077—1078 гг. Владимиру Мономаху совместно с сыном Изяслава Святополком, который стал вместо умершего Глеба новгородским князем, удается нанести значительный урон Всеславу и сжечь Полоцк. На обратном пути или вскоре после возвращения из Полоцкой земли Мономах совершает вместе с половецкими отрядами нападение на полоцкий город Друцк⁶⁵.

Новый этап борьбы Всеслава с Ярославичами проходил в 1076—1078 гг., т. е. в период резкого обострения борьбы последних с удельными правителями, когда в Киеве наблюдалась княжеская «чехарда» (до декабря 1076 г. Святослав, до весны 1077 г. Всеволод, до лета 1078 г. Изяслав и, наконец, снова Всеволод). Сложную внутривосточную борьбу на юге Руси использует Всеслав, который наносит удары по соседним новгородским и смоленским землям. Учитывая масштабы контрдействий Владимира Мономаха против Полоцка, тот факт,

Орнаменты на кресте Евфросиньи Полоцкой (1161 г.)

что ближайший помощник Всеволода Ярославича был вынужден покинуть на длительное время раздираемые межкняжескими столкновениями южнорусские земли, можно предположить, что нападения Всеслава представляли серьезную опасность для его противников, прежде всего для киевского князя.

В дальнейшем в правление великого киевского князя Всеволода Ярославича (1078—1093 гг.) взаимоотношения Киева с Полоцким княжеством оставались напряженными. Всеволод, безусловно, хотел подчинить себе Полоцк, однако вспыхнувшие в различных районах Руси усобицы, нападения на южнорусские земли половцев, а также значительная сила Всеслава не позволили киевскому князю предпринять какие-то решительные меры против непокорного княжества. Известно о полном разгроме Владимиром Мономахом в 1083 г. сильного в военном отношении города Минска («не оставихом у него ни челядина, ни скотины») ⁶⁶. Но на решительное столкновение с полоцким князем Владимир во время этого похода, видимо, не решился, хотя и имел сильную дружину.

В правление князя Всеволода, кроме неудачных попыток подчинения Полоцка, предпринимается ряд других акций по укреплению общерусских позиций Киева, которые, однако, встретили на местах серьезное сопротивление. Много сделал для укрепления центральной власти сын Всеволода Владимир Мономах, который получил в управление Черниговское княжество.

Наряду с этим киевский центр в рассматриваемый период не мог не считаться с другими князьями, которые усилили свои позиции.

В Новгороде продолжает сидеть Святополк Изяславич. В 1078 г. Всеволод наделяет крупным уделом другого сына Изяслава Ярополка, получившего Волынское княжество и Туровскую землю⁶⁷.

В 80-х годах в юго-западных районах Руси вспыхивают острые феодальные усобицы, сопровождавшиеся перестановками князей в уделах. В 1084 г. против волынского князя Ярополка начинают войну Ростиславичи, которые изгнали Изяславича из Волыни. Самовольный захват волынского-туровского держания вызвал большое недовольство Всеволода, который посылает для наведения порядка Владимира Мономаха с дружиной. В результате успешно проведенного похода во Владимире Волынском на троне вновь восстановлен Ярополк. В 1085 г., возможно, под влиянием польского князя Владислава-Германа Ярополк начал борьбу против киевского князя, надеясь получить великокняжеский трон. Вновь с дружиной на Волыни появляется Мономах, который изгоняет Ярополка. Турово-Волынский удел был передан Давыду Игоревичу, но тот не долго правил в нем. Значительная поддержка Ярополку в Польше, где он нашел политическое убежище, по-видимому, заставила Всеволода пойти на компромисс с этим князем. В 1085 г. Ярополк вновь получает Владимир и, по всей видимости, Туров. Однако править князю во Владимире пришлось недолго. В том же году, вероятно, не без участия Ростиславичей наемный убийца Нерадец расправляется с Ярополком. Турово-Волынское княжение меняет своего держателя, которым снова становится Давыд Игоревич. К тому же спустя два года северная часть княжества Давыда переходит к князю Святополку Изяславичу.

Сидевший в Новгороде старший из оставшихся в живых Изяславичей решил воспользоваться политической обстановкой в юго-западной части Руси, в частности борьбой нового волынского правителя Давыда с Ростиславичами. В 1088 г. он покинул новгородское «держание» и занял без санкции великого киевского князя Всеволода Туровский стол («Иде Святополк к Турову жити»)⁶⁸. Позиция киевского князя объясняется нежеланием Всеволода защищать интересы беспокойного васала Давыда Игоревича и бороться против имевшего на Руси значительный политический вес Святополка.

Для Святополка Изяславича, как и его отца Изяслава, Туров был своеобразным перевалочным пунктом на пути к великокняжескому престолу. В 1093 г., когда умер Всеволод, его сын Владимир Мономах не решился претендовать на киевский стол, а был вынужден пригласить в столицу Руси Святополка. Правда, власть последнего в Киеве оказалась весьма ограниченной. Вновь, как и в 1054 г., ядро Киевского государства — Русская земля — было подчинено коллективному сюзеренитету в лице как Святополка, так и переяславского князя Владимира Мономаха, а также черниговского князя Ростислава Всеволодовича. Последний вскоре погиб, и триумvirат превратился в дуумvirат князей⁶⁹.

Последнее десятилетие XI в. ознаменовалось усилением междоусобиц на Руси, а также борьбой русских князей с кочевниками. Важным районом межкняжеских столкновений продолжала оставаться Юго-Западная Русь. Фактически независимыми правителями становятся Ростиславичи, державшие Теребовль и Перемышль и стремившиеся расширить свои владения как за счет соседней Волыни, так и за счет не-

которых непосредственно подчиняющихся киевскому князю владений в данном регионе. Во Владимире Волынском продолжал сидеть Давыд Игоревич, которого лишь продолжавшаяся острая борьба с Ростиславичами заставляла признавать зависимость от Святополка и проявлять нейтралитет по отношению к Туровской, земле, принадлежавшей киевскому князю. Об этих владениях Святополка, которые примыкали к Юго-Западной Руси и на которые великий князь и его сыновья Мстислав и Ярослав опирались в своей борьбе в этом регионе, мы узнаем из «Повести об ослеплении Василька». Святополк, объясняя причины своего участия в жестокой расправе над теребовльским князем, заявляет, что инициатор преступления Давыд сообщил ему, что Василько не только организовал убийство Ярополка, но и хочет захватить у киевского князя Туров, Пинск, Берестье, Погорину⁷⁰. В другом месте «Повести об ослеплении Василька» Давыд вновь говорит о владениях Святополка на западе Руси, называя среди «прочих град» такие крупные центры, как Туров и Пинск, имевшие большое значение для киевского князя⁷¹.

Взаимоотношения между Святополком и Давидом вскоре ухудшились, и киевский князь решил изгнать из Волыни вассала, который запятнал свои руки кровью Рюриковичей, дискредитировал великого князя в глазах населения Руси. Давыд в результате мер Святополка вынужден был покинуть свое княжество и бежал в Польшу искать военной и дипломатической поддержки при дворе князя Владислава-Германа. В «Повести об ослеплении Василька» подробно рассказывается о переговорах Давыда и Святополка при посредничестве польского правителя. Они велись у города Берестья, причем киевский князь находился в городе, а резиденция поляков — на берегу Буга: «И ста Святополк в граде а Ляхове на Бугу»⁷². Очевидно, что крепость и в это время занимала важное положение на западном рубеже Руси. Берестье и другие западнорусские города играли значительную роль в укреплении позиций Святополка и его сыновей в западных районах страны. Так, в Берестье в рассматриваемое время княжил Ярослав Святополкович («Ярослав же беже на Ляхы и прииде ко Берестью») ⁷³. Берестяне входили в состав дружины Мстислава Святополковича наряду с пинянами и вышгородцами, когда этот князь оборонял Владимир от нападения Давыда. Вооруженные отряды из Пинска набирал киевский князь Святополк после неудачных переговоров в Берестье для продолжения борьбы с тем же Давыдом ⁷⁴.

Последнее десятилетие XI и начало XII в. в истории Древней Руси ознаменовались, с одной стороны, быстрым усилением тенденций к феодалной раздробленности, с другой стороны, в условиях упорной борьбы с половцами вновь на повестку дня встает проблема единства русских земель перед лицом усилившейся внешней опасности. Сочетание этих факторов проявилось в управлении страной дуумвирата Святополка и Владимира Мономаха, -в крупной роли княжеских съездов, которые регулировали взаимоотношения между правителями отдельных земель, решали задачи обороны страны.

Власть Святополка была более слабой, чем власть его предшественников на киевском столе. В своей внутренней политике великий князь Руси продолжал большое внимание уделять и в начале XII в. западнорусским землям и Волыни. После смерти Мстислава во Влади-

мире Волынском был посажен Ярослав, главный помощник Святополка в его государственной деятельности. В исторической литературе имеется предположение, что волынскому князю одновременно подчинилось и Туровское княжество⁷⁵. На наш взгляд, лапидарность источников не позволяет четко решить вопрос о конкретной принадлежности Туровского княжества Святополку или его сыну Ярославу, находившемуся в вассальной зависимости от киевского князя. Известно, что когда в 1101 г. один из удельных князей Ярослав Ярополкович пытался занять Берестье, это вызвало карательную экспедицию самого князя Святополка. Однако это предприятие могло быть вызвано необходимостью поддержки сына в этом западном районе Руси. Вероятно, нет оснований думать о какой-то четко разграниченной единоличной власти в данном районе одного из рассматриваемых князей. Скорее всего Туровская земля находилась под контролем и Киева, власть которого была сильнее, и Волыни, князь которой использовал эти районы в своей как внутривластной, так и внешнеполитической деятельности. Так, мы уже отмечали, что Святополк и его сын Мстислав в борьбе с Давыдом использовали воинов из Туровской земли.

В 1102—1103 гг. между Русью и Польшей был заключен союзнический договор, по которому польский князь Болеслав III Кривоустый получил военную помощь против своего соперника в борьбе за власть Збигнева и поддержку для отражения германской агрессии. Кроме того, польские и волынско-киевские дружины предприняли в середине 10-х годов XII в. ряд акций против Литвы⁷⁶. Очевидно, что плацдармом для походов в Прибалтику и местом, кроме Волыни, откуда шли в Польшу союзные Болеславу русские дружины, была Турово-Пинская земля.

В 1101 г. скончался полоцкий князь Всеслав. После его смерти Полоцкое княжество было разделено на ряд уделов между Всеславичами, которые сразу же начали между собой усобицы. В 1104 г. Святополк, Владимир Мономах и Олег предприняли с целью поддержки Давыда Всеславича поход на Минск, где правил князь Глеб Всеславич. Военное предприятие оказалось нелегким делом, сильная княжеская дружина потерпела неудачу и была вынуждена вернуться восвояси⁷⁷. В последующие годы киевский князь уже не рискует воевать с полоцкими князьями, в том числе и с Глебом. Более того, в условиях обострения отношений с Владимиром Мономахом, Святополк предпочел заключить союз с минским правителем Глебом, княжество которого непосредственно примыкало к туровским владениям киевского князя⁷⁸. Эти тесные контакты и вызвали, по всей видимости, во второй половине 10-х годов XII в. острый конфликт Владимира Мономаха с Минском.

Правление Владимира Мономаха (1113—1125 гг.) и его сына Мстислава (1125—1132 гг.) в Киеве — время последнего значительного усиления великокняжеской власти на Руси, объединительных тенденций ее политического центра. Великий князь Владимир, разумеется, не мог в начале XII в. добиться того единства страны, которое было в период правления Владимира I и Ярослава Мудрого, свободно перемещать на местах князей, однако стремился лишить власти своих соперников. Прежде всего Мономах начал борьбу против самого опасного противника Ярослава Святополковича, который вскоре после прихода к власти нового киевского князя вынужден был покинуть находившуюся под его

контролем Туровскую землю⁷⁹. Позже в результате пятилетней войны (1116—1122) Ярослав, несмотря на помощь Болеслава Кривоустого, лишился не только Волыни, но и собственной жизни.

Одновременно с Ярославом борьбу против Мономаха начинает Глеб, который, по всей видимости, был союзником волынского князя. О. М. Рапов несколько преувеличивает возможности минского князя, считая, что тот стремился продолжать политику деда и отца, т. е. Брячислава и Всеслава⁸⁰. Речь скорее всего шла о противодействии активной внутренней политике Владимира. В 1115 г. Владимир совершает нападение на Минское княжество, однако дело ограничилось только разгромом принадлежавшего Глебу Друцка. В ответ на это Глеб совершает поход на туровские земли и сжигает принадлежавший киевскому князю Слуцк («Глеб... воевал дреговичи и Слуцк пожег»)⁸¹. В 1116 г. военные действия вновь разворачиваются, причем в больших масштабах. Мономах привлек к походу не только сыновей, но и Давыда Святославича, Ольговичей. Минск, судя по всему, взят не был, однако были за-

Каменная иконка с изображением богородицы Халкопратийской XII - начала XIII в. (Минск)

хвачены Рша (Орша), Копысь, а также вновь восстановленный Друцк, жители которого были выведены из княжества сыном Мономаха Ярополком. В разгар военных действий Владимиру Мономаху с частью воинов пришлось покинуть Минскую землю и начать борьбу за возвращение своих владений. В это время дружина Глеба совершила отвлекающий удар и заняла Смоленск, который киевскому князю удалось вернуть лишь после длительной осады. По условиям сдачи города Глеб вернулся в Минск, которым должен был владеть на правах вассала великого киевского князя («Володимир же умирив и наказав его о всем дать ему Менеск»)⁸². Взаимоотношения Киева с минским князем и в последующем оставались острыми, что в 1119 г. вызвало новое столкновение между сторонами, закончившееся полным разгромом Глеба и заточением минского князя в Киеве («Володимир взя Менеск у Глеба и Всеславича самого приведе Киеву»)⁸³.

С этого времени Минское княжество было фактически ликвидировано и позже, очевидно, было присоединено на какое-то время к Турово-Пинской земле. В пользу этого говорит принадлежность князю Изя-

славу Мстиславичу в 1132 г. на правах вассального держания от великого князя Мстислава турово-пинско-минского княжения. «Тое зимы,— сообщает летопись,— даша (Мстислав Изяславу.— А. Г.) Туров и Пинск к Меньску»⁸⁴. Правда, правление Изяслава в Западной Руси было непродолжительным. С 1125 г. в Туровском княжестве правил брат киевского князя Вячеслав, который после небольшого перерыва в 1132—1133 гг., когда он сидел в Переяславле, снова вернулся сюда. Здесь он прокняжил до 1139 г. и из Турова отправился в Киев в надежде занять киевский стол. В Киеве туровский князь сидел недолго, однако с вокняжением в столице Руси Всеволода Олеговича в условиях обострения борьбы между Мономаховичами и Ольговичами Вячеслав добивается в 40-х годах XII в. фактического освобождения Туровской земли от власти великого киевского князя.

Большое внимание к Полоцкому княжеству проявляет занявший в 1125 г. киевский престол сын Мономаха Мстислав. В 1127 г. он вместе с другими Мономаховичами организовал большой поход в землю пологчан. Удару были подвергнуты районы Полоцкой земли, кроме Минска, который контролировался киевским центром⁸⁵. Наступление было осуществлено с четырех сторон. Вячеслав двигался из Турова, Андрей из Владимира, Всеволодок из Городка, союзник Мономаховичей Вячеслав Ярославич из Клецка. Полоцкому княжеству был нанесен сокрушительней удар. Полоцкая верхушка, чтобы уладить конфликт с Киевом, была вынуждена лишить власти собственного князя Давыда и посадить вместо него Рогволода — Бориса, который признал свою зависимость от Мстислава⁸⁶. Однако правление ставленника киевского князя продолжалось недолго. В 1129 г. Борис умер и полоцкий трон вновь занял Давыд. Это обстоятельство вызвало новый поход Мстислава, который захватил и вывез в Грецию всю полоцкую княжескую семью. Но и эта крайняя мера не привела к усилению позиций Киева в Полоцкой земле. В 1132 г. у власти в Полоцке оказывается внук Всеслава Василько, который изгоняет из города посаженного здесь киевским князем Святополка. Спустя несколько лет Полоцкое княжество окончательно выходит из под контроля Киева.

Усиление тенденций к децентрализации, выделение местных княжеских династий, острая внутривластная борьба между крупнейшими княжескими родами за Киев приводит в 30—40-х годах XII в. к значительному ослаблению деятельности киевского центра по консолидации древнерусских земель. Наступление эпохи феодальной раздробленности не могло привести к ликвидации центростремительных тенденций феодальной государственности, которые в новую эпоху приобрели новое содержание, однако с этого времени объединительная политика столицы Руси не играла такой значительной роли в судьбах восточнославянского общества, как это было в предшествующий период.

¹ ПВЛ. М.—Л., 1950, ч. I, с. 18.

² ПВЛ, ч. I, с. 18—43; Константин Багрянородный. Об управлении государством.— Изв. Гос. акад.

истории материальной культуры. М., 1934, вып. 91, с. 8—10.

³ ПВЛ, ч. I, с. 24; Очерки истории СССР. Период феодализма IX—

- XV вв. М., 1953, ч. I, с. 381; Рыбаков Б. А. Обзор общих явлений русской истории IX — середины XIII века.—ВИ, 1961, № 4, с. 34—57.
- ⁴ Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Л., 1980, с. 23—24; Сахаров А. Н. Дипломатия Древней Руси. М., 1980, с. 99—100.
- ⁵ Греков Б. Д. Киевская Русь. М., 1953, с. 300—303.
- ⁶ Лысенко П. Ф. Города Туровской земли. Мн., 1974, с. 22.
- ⁷ Materiały źródłowe do historii Polski. W-wa, 1954, t. I, s. 183—185.
- ⁸ Королюк В. Д. Западные славяне и Киевская Русь. М., 1964, с. 76; Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968, с. 34.
- ⁹ ПВЛ, ч. I, с. 54.
- ¹⁰ Рапов О. М. Княжеские владения на Руси в X — первой половине XIII в. М., 1977, с. 33.
- ¹¹ Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М., 1951, с. 85.
- ¹² Marx K. Secret diplomatic history of the eighteenth century. London, 1899, p. 77.
- ¹³ Исаевич Я. Д. «Грады Червенские» и Перемышльская земля во взаимоотношениях восточных и западных славян.—В сб.: ИИСБН, М., 1972, с. 120—121; Historia Polski. W-wa, 1957, t. I, cz. 1, s. 167—168.
- ¹⁴ Насонов А. Н. «Русская земля», с. 127.
- ¹⁵ ПВЛ, ч. I, с. 58.
- ¹⁶ Греков Б. Д. Киевская Русь, с. 473.
- ¹⁷ Мвроичиков Л. Т. Дохристианское жречество Древней Руси (старцы, старосты, волхвы). Мн., 1969, с. 17; Церковь в истории России. М., 1967, с. 35—38.
- ¹⁸ ПВЛ, ч. I, с. 56.
- ¹⁹ Очерки истории СССР, т. 106; Будовниц И. У. Общественно-политическая мысль Древней Руси. М., 1960, с. 88.
- ²⁰ ПВЛ, ч. I, с. 74—83.
- ²¹ Энгельс Ф. Юридический социализм.—Маркс К-> Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 495.
- ²² ПВЛ, ч. I, с. 83.
- ²³ Рапов О. М. Рецензия на кн.: П. Ф. Лысенко. Города Туровской земли. Мн., 1974.—ВИ, 1976, № 7, с. 157; Очерки истории СССР, с. 415; Гололочки П. П. Киевская земля.—В сб.: Древнерусские княжества X—XIII вв. М., 1975, с. 55—56.
- ²⁴ ПВЛ, ч. I, с. 86; ПСРЛ. М., 1962; с. 64; Свердлов М. Б. Известия немецких источников о русско-польских отношениях X — начала XII в.—В сб.: ИИСБН. М., 1972, с. 147.
- ²⁵ Фроянов И. Я. Киевская Русь, с. 26.
- ²⁶ Ильин Н. Н. Летописная статья 6523 г. и ее источник. М., 1957, с. 81—82; Grab ski A. Boleslaw Chrobry. W-wa, 1964, s. 172—173; Головки А. Б. Политические отношения Руси и Польши в начале XI века.—Вопросы истории СССР. Харьков, 1981, вып. 26, с. 107—108.
- ²⁷ Thietmari Chronikon, VII, 91.
- ²⁸ Свердлов М. Б. Известия о Руси в «Хронике» Титмара Мерзебургского.—В сб.: Древнейшие государства на территории СССР. М., 1978, с. 10.
- ²⁹ Thietmari Chronikon, VII, 73.
- ³⁰ Grab ski A. Boleslaw Chrobry, s. 253.
- ³¹ Греков Б. Д. Киевская Русь, с. 385—386; Пашуто В. Т. Внешняя политика, с. 34—35; Lowmianski H. Swietopelk w Brzesciu w roku 1019.—Europa — Slowianszczyzna — Polska. Studia ku uczczeniu profesora Kazimierza Tymienieckiego. W-wa, 1970, s. 224; Алешковский М. Х. Повесть временных лет. М., 1971, с. 129—131; Головки А. Б. Политические отношения, с. 109—111.
- ³² Thietmari Chronikon, VII, 74.
- ³³ ПВЛ, ч. I, с. 88—90.
- ³⁴ Сага об Эймунде.—В кн.: Рыдзевская Е. А. Древняя Русь и Скандинавия. М., 1978, с. 91.
- ³⁵ Thietmari Chronikon, VIII, 32.
- ³⁶ Сага об Эймунде, с. 95—96; НПЛ, М.—Л., 1950, с. 15—180.
- ³⁷ Thietmari Chronikon, VII, 65.
- ³⁸ НПЛ, с. 15, 180.
- ³⁹ Королюк В. Д. Западные славяне, с. 245—246.
- ⁴⁰ ПВЛ, ч. I, с. 96—97; Thietmari Chronikon, VIII, 31—33; Gallus Anonymus, 1, 7. ■
- ⁴¹ Thietmari Chronikon, VIII, 32. ¹¹²
- ⁴² Сага об Эймунде, с. 100—103.
- ⁴³ ПВЛ, ч. I, с. 97; Lowmianski H. Swigtopelk..., s. 224; Historia Polski, s. 199.
- ⁴⁴ ПВЛ, ч. I, с. 99.
- ⁴⁵ ПСРЛ. СПб., 1856, т. VII, с. 328.
- ⁴⁶ Очерки истории СССР, с. 382; Греков Б. Д. Киевская Русь, с. 484—485.
- ⁴⁷ ПСРЛ. М., 1965, т. XV, с. 143; Штыхов Г. В. Древний Полоцк. Мн., 1975, с. 10.
- ⁴⁸ ПВЛ, ч. I, с. 101; Котляр Н. Ф. К вопросу о генезисе восточнославянских городов. В сб.: Славянские

- древности. Этногенез. Материальная культура Древней Руси. К., 1980, с. 123; Корюков В. Д. Западные славяне, с. 274—276.
- ⁴⁹ ПВЛ, ч. I, с. 104.
- ⁵⁰ Насонов А. Н. «Русская земля», с. 154; Штыхов Г. В. Древний Полоцк, с. 10; Корюков В. Д. Западные славяне, с. 33.
- ⁵¹ Корюков В. Д. Западные славяне, с. 313—321; Он же. Летописные статьи о русско-польском союзе 40-х гг. XI в. Славянский архив. М., 1958, вып. 1, с. 5—18.
- ⁵² ПВЛ, ч. I, с. 104.
- ⁵³ ДГМЗ. М., 1965, с. 84—85.
- ⁵⁴ ПСРЛ, т. II, с. 150.
- ⁵⁵ Насонов А. Н. «Русская земля», с. 32; Греков Б. Д. Киевская Русь, с. 489—491.
- ⁵⁶ ПВЛ, ч. I, с. 109.
- ⁵⁷ Там же, с. 110—111.
- ⁵⁸ ПВЛ, ч. I, с. 115.
- ⁵⁹ ПВЛ, ч. I, с. 116; Кучкин В. А. «Поучение» Владимира Мономаха и русско-польско-германские отношения 60—70-х годов XI в. — Сов. славяноведение, 1971, № 2, с. 33.
- ⁶⁰ ПВЛ, ч. I, с. 116, 128.
- ⁶¹ Там же, с. 116.
- ⁶² Там же, с. 121.
- ⁶³ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1959, кн. 1, с. 356; Алексеев Л. В. Полоцкая земля, с. 248; Очерки истории СССР, с. 383.
- ⁶⁴ ПВЛ, ч. I, с. 122.
- ⁶⁵ ПВЛ, ч. I, с. 159; Орлов С. А. Владимир Мономах. Л., 1946, с. 143.
- ⁶⁶ ПВЛ, ч. I, с. 160.
- ⁶⁷ ПВЛ, ч. I, с. 135; ср. Котляр Н. Ф. К вопросу..., с. 124.
- ⁶⁸ ПВЛ, ч. I, с. 137.
- ⁶⁹ Там же, с. 143—144.
- ⁷⁰ Там же, с. 174.
- ⁷¹ ПВЛ, ч. I, с. 171; Насонов А. Н. «Русская земля», с. 128.
- ⁷² ПВЛ, ч. I, с. 178.
- ⁷³ Там же, с. 180.
- ⁷⁴ Там же.
- ⁷⁵ Лысенко П. Ф. Города Туровской земли, с. 27; Соловьев С. М. История России, кн. I, с. 407.
- ⁷⁶ ПВЛ, ч. I, с. 195; ПСРЛ, т. I, с. 290; Gallus Anonymus, II, 42; 111, 24; Лигута В. Т. Внешняя политика, с. 48.
- ⁷⁷ ПВЛ, ч. I, с. 185.
- ⁷⁸ Алексеев Л. В. Полоцкая земля, с. 254.
- ⁷⁹ Лысенко П. Ф. Города Туровской земли, с. 28; Соловьев С. М. История России, кн. I, с. 402.
- ⁸⁰ Рапов О. М. Княжеские владения, с. 57.
- ⁸¹ ПСРЛ, т. I, с. 290—291; ПВЛ, ч. I, с. 200.
- ⁸² ПСРЛ, т. II, с. 282—283; ПВЛ, ч. I, с. 201.
- ⁸³ ПСРЛ, т. II, с. 285.
- ⁸⁴ ПСРЛ, т. I, с. 302.
- ⁸⁵ Лысенко П. Ф. Города Туровской земли, с. 27.
- ⁸⁶ ПСРЛ, т. II, с. 293; Рапов О. М. Княжеские владения, с. 57.

